

Оглавление

	<i>Введение</i>	7
1	Игрушки — это мы	33
	<i>Как играют мальчики, девочки и другие приматы</i>	
2	Гендер	61
	<i>Идентичность и самосоциализация</i>	
3	Шестеро мальчиков	95
	<i>Когда растешь в голландской семье без сестер</i>	
4	Неверная метафора	126
	<i>Преувеличенная патриархальность приматов</i>	
5	Сестринство у бонобо	157
	<i>Еще раз о забытой обезьяне</i>	
6	Сексуальные сигналы	191
	<i>От гениталий и лиц до общей красоты</i>	

7	Брачные игры	221
	<i>Миф о целомудренной самке</i>	
8	Насилие	271
	<i>Жестокость, убийства и псы войны</i>	
9	Альфа-сам(ки)цы	306
	<i>В чем разница между доминированием и властью</i>	
10	Поддерживая мир	346
	<i>Внутри гендера: конкуренция, дружба и взаимодействие</i>	
11	Забота	388
	<i>Как воспитывают матери и отцы</i>	
12	О биологическом разнообразии	432
	<i>Однополые отношения у животных</i>	
13	Проблема дуализма	465
	<i>Разум, мозг и тело едины</i>	
	<i>Благодарности</i>	481
	<i>Примечания</i>	485
	<i>Библиография</i>	504
	<i>Предметно-именной указатель</i>	541

Введение

Самый печальный день в моей работе начался с телефонного звонка: мне сообщили, что моего любимого самца шимпанзе растерзали два его соперника. Поспешно приехав на велосипеде в зоопарк Бюргерса (Нидерланды), я обнаружил Лёйта сидящим в луже крови, с обреченно опущенной к прутьям клетки головой. Когда я погладил его по голове, этот обычно диковатый самец только вздохнул. Но было поздно. Он умер в тот же день на операционном столе.

Иногда соперничество между самцами шимпанзе становится настолько ожесточенным, что они убивают конкурента, и не только в зоопарках. Известны многочисленные свидетельства, когда мужские особи высокого ранга уничтожали противника в процессе такого рода борьбы за власть. Чтобы добиться высокого статуса, самцы заключают и раторгают союзы, передают друг друга и строят планы атаки. Именно строят планы — неслучайно нападение на Лёйта

произошло в ночной клетке, где троих взрослых самцов содержали отдельно от остальных. На просторном лесистом острове, где обитает одна из самых знаменитых обезьяньих стай, все могло быть по-другому. Женские особи немедленно пресекают конфликты между соперниками мужского пола. Альфа-самка по кличке Мама была не в состоянии удержать самцов от борьбы за власть, но кровопролития не допускала — здесь она проводила черту. Если бы она присутствовала при разыгравшейся сцене, то, без сомнения, создала бы своих сторонниц, чтобы те вмешались.

Гибель Лёйта задела меня за живое. Он был всегда таким дружелюбным и как вожак привносил в сообщество только мир и гармонию. Но, кроме того, я был глубоко разочарован. Баталии, свидетелем которых я становился прежде, всегда заканчивались примирением. После каждой схватки соперники лобызались, обнимались и прекрасно улаживали свои разногласия. Во всяком случае, мне так казалось. Взрослые самцы шимпанзе большую часть времени вели себя дружелюбно, занимались взаимным грумингом или развлекались игривыми драками. Злополучная схватка показала, что ситуация может выйти из-под контроля и что те же самцы способны преднамеренно убивать своих сородичей. Те, кто проводил исследования с шимпанзе в естественной среде обитания, описывали нападения в лесу в том же духе. Происходившее они так и называли — «убийство».

Высокая степень агрессии у мужских особей шимпанзе имеет и женский эквивалент. Впрочем, поводом к женской агрессии служат несколько другие обстоятельства. Даже самый здоровенный самец знает, что любая мать превратится в бешеную фурию, если хоть пальцем тронуть ее

потомство. Она станет настолько свирепой и бесстрашной, что не остановится ни перед чем. Неистовство, с которым человекообразная мать-обезьяна защищает свой младенец, превосходит ярость, с которой она защищает себя. Материнская забота — это настолько неотъемлемое качество млекопитающих, что стало предметом шуток, как в случае с кандидатом в вице-президенты Соединенных Штатов Сарой Пэйлин, которая назвала себя «мамой-гризли». Зная об этом прозвище, Гэри Ларсон нарисовал карикатуру, в которой изобразил бизнесмена, зашедшего с чемоданчиком в лифт, где на заднем плане были медведица и медвежонок. Подпись под картинкой гласила: «Трагедия случилась, когда занятый мыслями о работе Конрой вошел в лифт и оказался между медведицей гризли и ее медвежонком».

Фандисы из джунглей Таиланда — охотники, ловившие в старину диких слонов для работ на лесозаготовках, — больше всего боялись, что в ловушку угодит не агрессивный самец с бивнями, а слоненок. Крупная мужская особь, оплетенная веревками, представляла меньшую угрозу, чем детеныш, попавшийся в сети в пределах слышимости его матери. Многие фандисы погибли от бивней разъяренных слоних¹.

Для нашего вида защита ребенка матерью настолько предсказуема, что, согласно Танаху, еврейскому Священному Писанию, этим фактом руководствовался еще царь Соломон. Когда к нему обратились две женщины, каждая из которых утверждала, что именно она — мать младенца, царь потребовал меч. Он предложил разрубить младенца пополам, чтобы каждой досталась половина. Одна из женщин согласилась, а другая воспротивилась и умоляла, чтобы младенца отдали сопернице. Так царь понял, кто из них

настоящая мать. Выражаясь словами автора детективов Агаты Кристи, «любовь матери к ребенку не сравнима ни с чем в мире. Она не знает ни закона, ни жалости, она отваживается на любые дела и сметает все на своем пути»².

Мы восхищаемся матерями, всегда встающими на сторону ребенка, но наше отношение к мужской воинственности у людей не так однозначно. Мальчики и мужчины разжигают конфликты, хорохорятся, скрывают свои слабые места и ищут опасность. Не все считают это достойными мужскими чертами, и многие эксперты не одобряют подобных наклонностей. Когда они говорят, что «традиционная маскулинная идеология» определяет мужское поведение, то едва ли это звучит как комплимент. В документе 2018 г. Американская психологическая ассоциация (АПА) определяет эту идеологию как тесно связанную с «антиженственностью, стремлением к успеху, уклонением от проявления слабости, поиском приключений, риском и насилием». Попытка АПА спасти мужчин от этой идеологии вновь возродила дискуссию о «токсичной маскулинности», но в то же время вызвала негативную реакцию с осуждением полного отрицания типичного мужского поведения³.

Нетрудно понять, почему мужские и женские паттерны агрессии оцениваются по-разному: ведь только первый создает проблемы в обществе. Смерть Лейта ужаснула меня, и я не хочу выставлять мужское соперничество безобидным развлечением. Но с чего люди взяли, что оно является продуктом идеологии? С нашей стороны весьма самонадеянно считать, что мы хозяева и архитекторы собственного поведения. Будь это правдой, разве мы не выделялись бы тем самым среди других видов? Едва ли дело обстоит таким

образом. У большинства млекопитающих самцы борются за статус и территорию, в то время как самки рьяно защищают молодняк. Независимо от того, одобряем мы или нет подобное поведение, нетрудно понять, как оно развивалось в ходе эволюции. Для обоих полов это всегда означало сохранение генетического наследия.

Идеология здесь ни при чем.

Половые различия в поведении животных и людей порождают вопросы, которые лежат в основе любой дискуссии о гендерной идентичности человека. Обусловлена ли разница в поведении мужчин и женщин генетически, или ее создали искусственно? Так ли сильно они различаются? И существует ли только два гендера, или их больше?

Но, прежде чем погрузиться в эту тему, позвольте мне прояснить, почему она так важна для меня и какой точки зрения я придерживаюсь. Я вовсе не собираюсь оправдывать существующие гендерные отношения у людей, описывая наше наследие как приматов, и мне вовсе не кажется, что в этой области все обстоит наилучшим образом и должно таким и оставаться. Признаю, что на данный момент гендеры не равны и никогда не были равны — сколько человек себя помнит. Женщинам выпадает незавидный жребий как в нашем обществе, так и в любом другом. Им приходится бороться за каждое улучшение качества жизни — от права на образование до избирательного права, от легализации аборт до равной оплаты труда. Каждое из этих улучшений обошлось женщинам очень дорого. Некоторые из этих прав были обеспечены совсем недавно, за некоторые до сих пор идет борьба. А каких-то уже добились, но вынуждены защищать от новых посягательств.

Я нахожу это крайне несправедливым и считаю себя феминистом.

Пренебрежение к природным способностям женщин имеет на Западе давнюю традицию, насчитывающую как минимум 2000 лет. Именно это всегда служило оправданием гендерному неравенству. Немецкий философ XIX в. Артур Шопенгауэр считал, что женщины до конца жизни остаются детьми, живущими сегодняшним днем, в то время как мужчины способны думать о будущем. Другой немецкий философ, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, полагал, что «животное больше соответствует характеру мужчины, растение — больше характеру женщины»⁴. Не спрашивайте меня, что имел в виду Гегель, но британский философ-этик Мэри Миджли отмечала: женская тема у корифеев западной мысли выражена крайне глупыми идеями. Их привычное расхождение во мнениях улетучивается: «Только в одном вопросе взгляды Фрейда, Ницше, Руссо и Шопенгауэра полностью совпадают, и они также соглашаются с Аристотелем, святым Павлом и святым Фомой Аквинским — это в отношении женщин»⁵.

Даже мой любимый Чарльз Дарвин оказался подвержен этой тенденции. В своем письме американской защитнице прав женщин Кэролайн Кеннард он высказал мнение, что «законы наследственности создают большие трудности, чтобы женщины стали интеллектуально равными мужчинам»⁶.

И это в эпоху, когда предполагаемые различия в уровне интеллекта могли объясняться неравным доступом к образованию. Что же касается «законов наследственности», о которых говорит Дарвин, я должен заметить, что, посвятив всю свою карьеру изучению интеллекта у животных, я ни разу в жизни не обнаружил интеллектуальных различий между

полами. По обе стороны встречаются блестящие умы и те, кто умом похвастаться не может, но сотни исследований, как моих собственных, так и других ученых, показали отсутствие когнитивного дисбаланса. Несмотря на то что различий в поведении самцов и самок приматов великое множество, их мыслительные способности, похоже, развились синхронно. Это верно и для нашего биологического вида, так как даже в областях, которые традиционно ассоциируются только с одним гендером (например, в математике), способности обоих гендеров оказываются полностью идентичными при достаточно большой выборке⁷. Сама по себе идея об умственном превосходстве одного гендера над другим не имеет никаких подтверждений в современной науке.

Второй вопрос, требующий разъяснения, касается стереотипного взгляда на наших сородичей-приматов, который иногда используют для оправдания неравенства в человеческом обществе. В представлении широкой публики обезьяний самец-босс является «хозяином» самок, которые всю жизнь рожают детенышей и подчиняются его приказам. Такие взгляды в первую очередь возникли благодаря исследованиям в отношении павианов гамадрилов, проведенным сто лет назад, которые, как я объясню в дальнейшем, имели серьезные недостатки и стали причиной сомнительных сравнений⁸. К сожалению, тот случай поразил человеческое сообщество как зазубренная стрела, которую невозможно извлечь, несмотря на все собранные впоследствии опровергающие данные. Идею о том, что мужское превосходство — это естественный порядок вещей, снова и снова пропагандировали бесчисленные популяризаторы научных идей на протяжении прошлого столетия, а в книге 2002 г. под названием «Король горы» (King of

the Mountain) американский психиатр Арнольд Людвиг до сих пор утверждает:

Большинство людей социально, психологически и биологически запрограммированы на потребность в одиночной доминантной фигуре мужского пола, которая бы управляла их общественной жизнью. И эта программа по большей части совпадает с тем, как устроены сообщества человекообразных обезьян⁹.

Одна из целей моей книги — освободить читателей от представлений об обязательном вожаке мужского пола. Изначально исследование приматов относилось к видам, с которыми мы не слишком близки. Мы принадлежим к небольшому семейству гоминид (крупных бесхвостых приматов), а не к мартышкообразным обезьянам. При изучении наших ближайших сородичей, высших приматов, картина становится менее однозначной — здесь мы наблюдаем меньший контроль со стороны самцов, чем можно было ожидать.

В то время как самцы приматов, без сомнения, могут быть задирами, приятно сознавать, что они приобрели свою агрессивность и преимущество в размерах не для того, чтобы доминировать над самками. Смысл жизни не в этом. С учетом экологических требований в ходе эволюции размеры самок получились идеальными. Их телосложение оптимально, если иметь в виду питание, путешествия, которые они совершают, потомство, которое воспитывают, и хищников, которых избегают. Эволюция вынудила самцов отклониться от этого идеала, чтобы преуспеть в борьбе между собой¹⁰. Чем интенсивнее соперничество между ними, тем

более впечатляющими становятся физические данные. У некоторых видов, например горилл, самцы вдвое крупнее самок. Так как смысл борьбы между мужскими особями в том, чтобы подобраться ближе к самкам для размножения, они никогда не ставят целью нанести самкам вред или отобрать у них пищу. В действительности у большинства приматов самки наслаждаются полной независимостью, дни напролет добывая пропитание и общаясь между собой — и самцы в таком существовании ключевой роли не играют. Типичное сообщество приматов — это сеть сестринства, которой управляют матриархи преклонных лет.

Стереотипный подход также нашел свое отражение в мультфильме «Король Лев». В нем самец льва изображен правителем — так как большинство людей не способны представить себе королевство, устроенное иначе. Мать Симбы, львенка, которому суждено стать следующим королем, практически не играет никакой роли. Тем не менее, хотя львы и в самом деле крупнее и сильнее львиц, они вовсе не занимают центральных позиций в прайде. Прайд по своей сути представляет собой сестринство, участницы которого выполняют основную часть работы на охоте и в уходе за потомством. Самцы проводят в прайде несколько лет, после чего их выгоняют пришлые соперники. По выражению Крэйга Пэкера, одного из ведущих специалистов по львам в мире, «самки — это ядро. Сердце и душа прайда. Самцы приходят и уходят»¹¹.

Сравнивая нас с другими видами, популярные средства массовой информации используют то, что лежит на поверхности. При этом истинная картина может достаточно сильно отличаться. Она, как правило, отражает значительные разли-

чия между полами, но не обязательно те, которые мы ожидаем. Кроме того, многие приматы обладают тем, что я называю «потенциалом», то есть способностями, которые они редко выражают и которые скрыты от посторонних глаз. Хорошим примером может служить женское лидерство — как то, что я описываю в своей предыдущей книге «Последнее объятие Мамы» (Mama's Last Hug)*, посвященной занимавшей это положение на протяжении многих лет альфа-самке в зоопарке Бюргерса. Мама находилась в самом центре общественной жизни, несмотря на то что по результатам драк она занимала более низкое место по сравнению с наиболее влиятельными самцами. Старейший самец также занимал позицию ниже самых высокопоставленных мужских особей, хотя и оставался не менее центральной фигурой. Чтобы понять, как две стареющие человекообразные обезьяны совместно правили большой колонией шимпанзе, необходимо видеть дальше физического доминирования и понимать, кто принимает принципиальные общественные решения. Необходимо различать политическую власть и доминирование. В наших сообществах никто не путает власть с мускульной силой, и это так же верно для других сообществ приматов¹².

Еще один потенциал — это способность мужских особей приматов к заботе. Мы можем наблюдать это качество после смерти матери, когда осиротевший детеныш внезапно начинает скулить в поисках внимания. Известны случаи, когда в дикой природе взрослые самцы шимпанзе усыновляли малыша и окружали его любовью и заботой, иногда в течение нескольких лет. Самец замедлит движение в пути,

* Вааль де Ф. Последнее объятие Мамы. Чему нас учат эмоции животных. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — *Прим. ред.*

чтобы усыновленный детеныш не отстал, станет разыскивать его, если тот потеряется, и будет защищать его не хуже любой матери. Поскольку ученые склонны придавать большее значение типичному поведению, мы редко обращаем внимание на подобные качества. Тем не менее они связаны с гендерными ролями у людей, так как мы живем в постоянно меняющемся обществе, которое испытывает пределы возможностей нашего биологического вида. Следовательно, у нас есть все причины для того, чтобы извлечь уроки через сравнения с другими приматами¹³.

Даже те, кто относится с подозрением к эволюционным объяснениям и считает, что аналогичные правила к нам неприменимы, вынуждены признать одну базовую истину о естественном отборе. Ни один человек, живущий на земле, никогда не оказался бы там, где он есть, если бы не его предки, которым удалось выжить и оставить потомство. Все наши прародители производили на свет потомство и успешно его воспитывали либо помогли в этом другим. Не существует исключений из этого правила, поскольку те, кто не справился с этой задачей, не являются предками кого бы то ни было.

Их гены отсутствуют в генофонде.

Современное общество готово к изменениям в гендерных различиях во власти и привилегиях. Тем не менее в одиночку женщинам не справиться с этой задачей. Гендерные роли настолько тесно переплетены, что и мужчинам, и женщинам придется меняться одновременно. Некоторые из этих корректировок уже идут полным ходом. Я вижу, что молодое поколение живет иначе, чем мои сверстники: в частности, мужчины больше берут на себя родительских обязанно-

стей, а женщины начинают вторгаться в профессии, в которых традиционно доминировали мужчины. В дальнейшем и мужчины должны будут осваивать новые области деятельности. Вот почему у меня вызывают негодование некоторые обобщения, например попытки обвинить мужчин во всех бедах нашего мира. Приклеивать ярлык «токсичности» определенным проявлениям мужественности — это не то, чем должен заниматься феминизм в моем представлении. Зачем стигматизировать целый гендер? Я согласен с американской актрисой Мери Стрип, которая также сочла это излишним: «Мы причиняем боль мальчикам, называя что-то токсичной маскулинностью. Женщины тоже могут быть чертовски токсичными... Проблема в токсичности людей вообще»¹⁴.

Проследить истоки большинства гендерных различий в повседневной жизни почти невозможно. В конце концов, наша культура постоянно оказывает давление как на мужчин, так и на женщин. От каждого требуется приспособляться и подчиняться правилам маскулинности и фемининности. Создаем ли мы таким образом гендер, и заменил ли гендер биологический пол? Впрочем, исчерпывающего ответа здесь быть не может. У других приматов не существует нашей гендерной нормы, и все же их поведение похоже на наше, а наше — на их. Хотя поступки обезьян также могут регулироваться нормами общественного поведения, эти нормы проистекают из *их* культуры, а не из нашей. Сходство между нашим поведением и поведением обезьян скорее намекает на единую биологическую базу.

Другие приматы демонстрируют нам наше собственное отражение в зеркале, которое позволяет увидеть гендер по-новому. Впрочем, они — не мы, и таким образом

нам предлагается сравнение, а не пример для подражания. Я добавляю это уточнение, поскольку многие факты, о которых идет речь, иногда расцениваются как норма, хотя они ею не являются. Люди с трудом воспринимают описания других приматов, не применяя их к себе. Они хвалят приматов за поступки, которые одобряют, и расстраиваются, если те делают что-то, что людям видеть неприятно. Так как я изучаю два вида человекообразных обезьян с принципиально разными взаимоотношениями между полами, я часто сталкиваюсь с подобными реакциями. Иногда люди реагируют так, словно я одобряю то, что описываю. Когда я обсуждаю шимпанзе, им кажется, что я сторонник мужской власти и жестокости. Словно я думаю, что было бы здорово, если бы люди вели себя подобным образом! А когда яставляю на обозрение общественную жизнь бонобо, мои слушатели уверены, что я наслаждаюсь эротизмом и женским контролем. На самом деле мне нравятся и бонобо, и шимпанзе. Я нахожу их занимательными в равной степени. Они раскрывают разные черты нас самих. В людях есть частичка от каждого из этих видов человекообразных обезьян, и вдобавок у нас было несколько миллионов лет эволюции, чтобы обзавестись собственными уникальными свойствами.

В качестве примера того, как мои исследования расстраивали людей, позвольте рассказать вам о лекции в зоопарке Бюргерса, посвященной шимпанзе, за которыми я там наблюдал. Мне приходилось выступать перед самыми разными аудиториями — от гильдии пекарей и полицейской академии до школьных учителей и детей. Мои истории нравились всем, пока однажды я не столкнулся с группой женщин-юристов. Они были определенно не рады моим рассуждениям и даже назвали меня «сексистом» — в последнее время

мя это стало общепринятым обвинением. Но как они могли прийти к такому выводу, если учесть, что я ни слова не сказал о человеческом поведении?

Я описал отличия между самцами и самками шимпанзе. Самцы прибегают к зрелищной демонстрации угроз, чтобы выразить свою жажду власти. Они строят свою стратегию, всегда планируя следующий шаг. С другой стороны, самки тратят большую часть времени на груминг и общение. Они сосредоточены на отношениях и семье. Я также с гордостью показал фотографии, свидетельствующие о недавнем резком увеличении рождаемости в обезьяньей колонии. Но мои слушательницы были не в настроении ворковать над маленькими шимпанзе.

По окончании лекции женщины-юристы спросили, почему я так уверен, что самцы доминируют над самками. «Может быть, все совсем наоборот?» — спрашивали они. Возможно, по их мнению, я неверно представляю себе доминирование. Хотя я сказал, что видел, как самцы побеждают в драках, женщины настаивали, что в действительности победа могла принадлежать самкам. Хоть я и проводил каждый день по многу часов, наблюдая за шимпанзе, меня пытались поправить люди, которые с трудом отличали шимпанзе от гориллы! Несмотря на то что в моей области исследования нет недостатка в женщинах-специалистах, я ни разу не слышал, чтобы кто-то описывал шимпанзе иначе, чем как вид, характеризующийся мужским доминированием. Это относится только к физическому превосходству, которое является довольно ограниченным аспектом, но тем не менее играет не последнюю роль. Самцы шимпанзе тяжелее самок и сложены как культуристы, с массивными руками и плечами, с толстой шеей. У них также имеются длинные

клыки, почти как у леопарда, которых нет у самок. Самки им не ровня. Единственным исключением является ситуация, когда самки собираются в группы.

Позднее в тот же день, во время визита на островок шимпанзе, группа юристов немного изменила свое мнение, увидев собственными глазами несколько инцидентов, подтверждавших мою точку зрения. Впрочем, их настроение от этого не улучшилось.

Позже, когда я работал с бонобо и читал о них лекции, произошел противоположный случай. И шимпанзе, и бонобо — это человекообразные обезьяны, оба этих вида генетически весьма близки к людям, но, как ни удивительно, ведут они себя совсем по-разному. Сообщество шимпанзе агрессивно, территориально и управляется самцами. Бонобо мирные, обожают спаривание и характеризуются доминированием женских особей. Разве могут виды человекообразных обезьян быть более непохожими друг на друга? Бонобо опровергают идею о том, что, познакомившись поближе со своими собратьями-приматами, мы будем так же придерживаться гендерных стереотипов. Как ученый, который прозвал их приматами, которые «занимаются любовью, а не войной», я начал свою первую научно-популярную статью об этом виде словами: «В переломный момент в истории, когда женщины ищут равноправия с мужчинами, наука преподносит феминистскому движению запоздалый дар». Это было в 1995 г.¹⁵

Люди восхищаются бонобо. Они обожают этих обезьян, поскольку чувствуют, что те делают мир светлее, тогда как биология его часто омрачает. Писательница Элис Уокер посвятила свой роман «В лучах отцовской улыбки» (*By the Light of My Father's Smile*) нашему близкому родству с боно-

бо, а обозревательница *The New York Times* Морин Дауд смешала политические комментарии с восхвалением эгалитарного этоса бонобо. Бонобо были названы «политкорректными приматами» как за нетрадиционное распределение ролей между самцами и самками в доминировании, так и за их невероятно разнообразный секс. Они спариваются во всех мыслимых сочетаниях, а не только в парах из самца и самки. Я всегда рад поговорить о наших хиппующих сородичах, но думаю, что, проводя эволюционные сравнения, не стоит выдавать желаемое за действительное. Мы не можем просто взять и выбрать из всего царства животных те виды, которые нравятся нам больше других.

Если существует два родственных нам вида человекообразных обезьян, которые одинаково близки к человеку, значит, они одинаково уместны в наших дискуссиях об отношениях между полами. Эта книга уделяет достаточно внимания обоим видам, несмотря на то что научные исследования, проводимые с шимпанзе, имеют гораздо более долгую историю. Я буду меньше внимания уделять другим видам приматов, которые значительно дальше от нас.

Так или иначе, вопрос о гендерных различиях вызывает эмоциональную реакцию. В этой области у каждого есть свое сложившееся мнение, но это не работает, когда речь идет о животных. Приматологи стараются не судить. Это нам не всегда удается, но мы никогда не определяем поведение животных как правильное или неправильное. Никогда не денешься, наша работа требует интерпретации, но вы не услышите, как приматолог характеризует поведение самцов как предосудительное или называет некоторых самок подлыми. Мы принимаем поведение животных таким, как

оно есть. Такое отношение — давняя традиция среди естественников. Хотя самка богомола в прямом смысле слова обезглавливает самца в процессе спаривания, никто ее за это не винит. Таким же образом и по той же причине мы не осуждаем самца птицы-носорога, когда он приносит комья глины, чтобы на недели замуровать партнершу в дупле, где находится гнездо. Все, что нам остается, — это попытаться понять, почему природа устроена именно так.

Точно так же приматолог воспринимает общество. Мы не делим поведение на желательное и нежелательное, а лишь стараемся описать его как можно лучше. Это немного напоминает пародию Дэвида Аттенборо, британского ученого-естественника и телезвезды, о брачных играх нашего биологического вида. На фоне видео с группой молодых оболтусов, хлещущих пиво в канадском баре, бархатный голос Аттенборо рассказывает, что «в воздухе стоит густой запах самок» и «каждый самец старается продемонстрировать, как он силен и ловок». Видео заканчивается тем, что «победитель» оказывается в постели с одной из женщин и та берет ситуацию под свой контроль¹⁶.

Можно ли назвать это сексизмом? Только если вы верите, что любые намеки на поведение, характерное для людей того или иного пола, подразумевают определенную политическую позицию. Мы живем во времена, когда одни систематически поднимают шумиху вокруг различий между полами, как будто эти различия можно встретить повсюду, а другие пытаются уничтожить их, утверждая, что они будто бы бессмысленны. Первые вдруг обнаруживают небольшие различия в пространственной памяти, моральном суждении или в чем-нибудь еще и раздувают эту разницу до гигантских размеров. Средства массовой информации часто пре-

увеличивают их выводы, делая из несоответствия в несколько процентов в пользу того или иного пола резкое различие — как между черным и белым. Некоторые авторы даже говорят, что мужчины и женщины родом с разных планет. Представители второй группы рассуждают полностью противоположным образом: они предпочитают смягчать любые утверждения о разнице между мужчинами и женщинами. Они заявляют, что «это не относится ко всем людям» или «все это обусловлено окружающей средой». Ключевое слово для них — «социализация». Например, «социализация мужчин поощряет в них стремление к соперничеству» или «социализация женщин учит их заботиться о других». Они ставят перед собой задачу выяснить, откуда возникают различия в поведении, и полностью уверены, что биология не является источником этих различий.

Одной из первых сторонниц такой позиции стала американская женщина-философ Джудит Батлер, которая считает «мужское» и «женское» всего лишь конструктами. В своей основополагающей статье 1988 г. она заявила, что, «поскольку гендер не является фактом, различные проявления гендера создают лишь идею о нем, но без этих проявлений гендера бы не было вовсе»¹⁷. С такой ультимативной позицией я не могу согласиться. Тем не менее я рассматриваю гендер как полезный концепт. В каждой культуре существуют свои правила, привычки и роли, характерные для представителей обоих полов. Гендер относится к приобретенным качествам, которые превращают самку в женщину и самца в мужчину. Мы и в самом деле целиком и полностью культурные создания. Я готов пойти дальше и утверждать, что концепция гендера применима и к другим приматам. Человекообразные обезьяны достигают зрелости

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru